

12. Погребецкий А.И. Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока за период войны и революции (1914-1924) гг. Харбин : Издательство Общества изучения Маньчжурского края, 1924. С. 8.
13. Показательные уроки // Советская Сибирь. 1920. 25 февраля. С. 2.
14. Алтайский кооператор. 1919. № 10-12. С. 37.
15. Вестник финансов, промышленности и торговли // 1919. №19. С. 12.
16. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-1800. Оп. 1. Д. 2. Л. 1 об.
17. Наволочкин Н.Д. Дело о полутора миллионах. Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1982. С. 68.
18. Баранов А.Г. Борьба с фальшивомонетчиками в колчаковской России // Труды МГГУ Правительства Москвы. 2005. Вып. 6. С. 56.
19. Баранов А.Г. Денежное обращение и эмиссии на Северном Кавказе в 1917-1920 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Майкоп, 1998. <http://www.bonistikaweb.ru/SOVKOL/disserta.htm>.
20. ГАИО. Ф. Р-260. Оп. 1. Д. 224. Л. 6.
21. Государственный архив Забайкальского края. Ф. 56. Оп. 6. Д. 52. Л. 100.
22. Рябченко П.Ф., Бутко В.И. Полный каталог бумажных денежных знаков и бон России, СССР и стран СНГ (1769-2000 гг.). Киев: Логос, 2000. С. 178-179.

Наталья Сергеевна САЖИНА —
доцент кафедры социальной работы
Российского государственного
профессионально-педагогического университета
(г. Екатеринбург)
кандидат исторических наук
nata96@e-sky.ru

УДК 364-4-053.2-058.86

ПОМОЩЬ БЕСПРИЗОРНЫМ ДЕТЯМ В ГОЛОДНЫЕ ГОДЫ (1921-1925 гг.) НА УРАЛЕ

THE ASSISTANCE TO THE HOMELESS CHILDREN DURING FAMINE IN 1921-1925 IN THE URAL REGION

АННОТАЦИЯ. Решение проблемы массовой детской беспризорности в современной России невозможно без учета уникального исторического опыта работы с беспризорниками (особенно в тяжелые годы голода 1920-х годов на Урале), который до сих пор остается невостребованным из-за недостаточной изученности.

SUMMARY. The solution of the problem of the massive children's homelessness in modern Russian is not possible without taking account of historical experience of work with homeless children (especially during the famine period of 1920s in the Ural Region). This experience can not be used because it has not received a thorough study.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Детская беспризорность, голод, детская инспекция, международные благотворительные организации, детские адресные столы.

KEY WORDS. Homelessness, famine, children's inspection, international charitable institutions, children's information bureau.

К началу 1920-х гг. на Урале велась целенаправленная работа управленческих структур по защите детства, сложился новый аппарат управления и система социального обеспечения, однако реализации новых проектов помешали события 1921 года. К социальным бедствиям добавилось еще и стихийное — небывалая засуха в хлебопроизводящих губерниях Поволжья и Приуралья,

Северного Кавказа и Украины. Масштабы его были столь значительными, что затронули не только районы, пострадавшие от неурожая, но существенно отразились на жизнедеятельности всей страны.

Положение в областях, охваченных голодом, было действительно угрожающим. Более 20 млн человек находились на грани вымирания и нуждались в неотложной помощи. К весне 1922 г. число умерших от голода превышало 1 млн человек. Смертность среди детей грудного возраста доходила до 95% [1]. Одними из основных видов помощи стали благотворительная помощь голодающему населению продуктами питания, отправка на места врачебно-питательных поездов, пропускная способность которых доходила до 6 тыс. человек в день [2]. Кроме того, производилась эвакуация части пострадавшего населения, прежде всего детей, в более благоприятные в плане питания регионы. По данным на 25 декабря 1921 г., было вывезено 56 355 детей [3], и эта цифра продолжала расти. Размещались эвакуированные дети в детских домах, домах ребенка, больницах. К апрелю 1923 г. в детских учреждениях, находившихся в ведении Наркомпроса, насчитывалось 293 655 детей из голодающих губерний, в учреждениях Наркомздрава (в том числе в домах ребенка) — 23 231 ребенок [4]. Следует также отметить, что, кроме организованного вывоза, население двигалось в предполагаемые урожайные районы самотеком, и эта стихийная волна была гораздо значительнее, что создавало условия для дальнейшего роста беспризорности.

На Урале размеры бедствия были огромны. Примером тому служит Пермская губерния, где число голодающих на 1 июня 1922 г. составило 469 811 человек. На Воткинском заводе ежедневно регистрировалось 6-10 случаев голодной смерти, в месяц подкидывалось до 60 детей. В Оханском уезде голодающих было 134 423, а умерло с голоду 1691 человек. В Осинском уезде голодающих 175 447 человек, ежедневно умирало в среднем 200 человек [5].

В этот период в Екатеринбурге особенно много было беспризорных, так как Сибирь и Урал считались наиболее благополучными в отношении продовольствия и волна голодающих из Поволжья двигалась в этот регион. Кроме этого, Екатеринбург являлся крупной железнодорожной станцией, куда прибывали сотни беспризорников. Особенно много голодающих беженцев было из Башкирии, Нижегородской, Казанской, Пермской, Вятской, Самарской, Владимирской, Костромской и Псковской губерний. Поэтому размеры голодного бедствия на Урале были довольно значительны. Архивные данные отражают общее число голодающих на Урале: Пермская губерния — всего 360 342 голодающих, из них детей 184 228; Челябинская губерния — всего 423 378, из них детей 178 144; Уфимская губерния — всего 1 217 795, из них детей — 529 843; Екатеринбургская губерния — всего 313 135 голодающих, по детям сведений нет. [6] Таким образом, многие «благополучные» губернии, куда вывозились голодающие, при более внимательном рассмотрении сами оказывались далеко не благополучными и нуждались в помощи.

Чтобы справиться с ситуацией, в центре и на местах в 1921 г. стали организовываться специальные комиссии помощи голодающим. Такая комиссия была создана при Пермском губисполкоме, а в Екатеринбурге она получила название Особой чрезвычайной комиссии. В Пермь был командирован Чрезвычайный уполномоченный по борьбе с голодом. Для обследования голодных районов было отправлено 20 человек инспекторов, работу по эвакуации возглавляли секретари, действовали эвакуационные комиссии. Силами этих органов на местах необходимо было создать целую сеть учреждений, приспособленных для

оказания помощи, в первую очередь детям. Так, в г. Соликамске Пермской губернии был создан детский городок им. Коминтерна на 800 детей, куда впоследствии приняли группу из 98 человек из Перми и 1000 детей из голодающего Поволжья [7]. При участии Челябинского губотдела ГПУ в Челябинске в 1922 г. создается Дом ребенка старшего возраста (на 50 детей), дом ребенка грудного возраста (на 50 детей), детский изолятор на 30 детей, в Троицком уезде создано 2 учреждения подотдела охраны детства, в Курганском уезде количество детучреждений — 43, число детей в них — 2584 [8]. В Нижней Курье в 1921 г. на берегу р. Камы была организована детская колония на 100 детей. Создается интернат-госпиталь, для чего выдается в пользование пассажирский пароход «Усердный» на 100 человек, где дети находились от 10 дней до 1 месяца, в зависимости от состояния здоровья. После выздоровления они направлялись в детские дома, а дети, имеющие родителей, возвращались к ним. Кроме того, интернат-госпиталь оказывал широкую помощь беспризорным голодным детям Прикамья. Для этого на пароходе имелись две походные кухни, где готовилась бесплатная пища для питательных пунктов Прикамья.

В Екатеринбурге для облегчения положения беспризорников организовали дежурный пункт детской инспекции. В нем круглосуточно дежурили сестры-инспектора, которые являлись представителями отдела народного образования, педагоги. Тут же при вокзале был эвакуопункт для детей, где их мыли, переодевали, кормили и оказывали первую медицинскую помощь. В эвакуопункте дети должны были находиться только несколько дней, за это время детская инспекция Отдела народного образования выясняла, где находятся родители или родственники ребенка. Прежде чем попасть в детские дома, дети из эвакуопункта направлялись в детприемник, где за ними велось наблюдение, а затем по возрасту и развитию, а также по состоянию здоровья они распределялись по детским домам.

В целях обеспечения продовольствием детских учреждений 8 февраля 1921 г. был принят декрет «Об обеспечении продовольствием и предметами широкого потребления лечебных учреждений, учреждений по охране материнства и младенчества, школ и детских учреждений», а 22 июля 1921 г. — декрет о бесплатном детском питании. В уездах Пермской губернии работали отряды рабочих и работниц по выявлению хлеба для голодающих. Создавалась сеть питательных пунктов и столовых; так, в Перми была организована столовая на 350 детей [9]. В Екатеринбургской губернии создано 112 общественных столовых, в которых питалось 52700 человек [10; 205]. В Кургане для снабжения детских столовых каждый житель должен был отчислить «определенное количество фунтов с пуда урожая, как бы этот урожай ни был уничтожен» [11; 100]. Чтобы помочь детям, вводили даже «денежное обложение всех без исключения граждан, участвующих в жизни города»: все идущие и едущие по улицам 29, 30, 31 декабря должны были заплатить налог, что дало «небольшое количество продуктов» [12; 100].

В сентябре 1921 г. проводилась «Неделя помощи голодающим детям», где активное участие приняли делегатки губженотдела г. Перми, они проводили массовые субботники, собирали пожертвования продуктами, мануфактурой, книгами, денежными отчислениями [13]. В Чердынском уезде было изъято и пожертвовано в пользу голодающих ценностей серебра 19 пудов 30 фунтов, в Сарапульском — 10 пудов серебра и золота на 5.200 рублей [14]. В Красноуфимске к Неделе ребенка были предприняты следующие меры: все сапожные мастерские находящиеся в распоряжении комиссии, выпустили 200 000 пар

обуви для детей, также было поставлено несколько спектаклей для детей с угощением, для детей деревни были посланы сладости [15].

Несмотря на все мероприятия, большое количество детей было предоставлено самим себе. Нередки были ситуации, когда эвакуированным детям отказывали в приеме или когда они попадали в условия не лучше тех, из которых они были взяты. Еще хуже было положение детей, прибывших самотеком, они, как правило, пополняли ряды беспризорников и малолетних правонарушителей. Деткомиссия при ВЦИК констатировала, что «улица полна беспризорными детьми, имеют место детское нищенство, детская торговля, преступность и проституция, доходящая до самых кошмарных форм и размеров. Поток беспризорных детей в поисках хлеба и крова перекачивается с одного пункта республики в другой, проникая в самые отдаленные из них — Туркестан и Сибирь».

Положение действительно было критическим, и правительство вынуждено было обратиться за помощью к другим государствам. С конца 1921 г. стали поступать предложения от ряда стран (Чехословакии, ДВР, Германии, Англии) об эвакуации детей за границу. Так, в Чехословакию решено было отправить 600 детей, в ДВР — 2 тыс. человек [16]. Кроме того, международные общественные организации (Международный союз помощи детям, квакеры, английские тред-юнионы и др.) стали оказывать значительную продуктовую помощь. На территории Урала действовали такие заграничные организации, как Американская Административная помощь (АРА). Французский Красный Крест, Харбинский Комитет Красного Креста (ДВР), Международный рабочий Комитет помощи голодающим (Межрабпомгол). Деятельность АРА охватывала все губернии Урала, Французский Красный Крест работал в Екатеринбургской, Пермской и Вятской губерниях, ДВР — в Башкирии и Челябинской губернии, Межрабпомгол — в Пермской и Челябинской губерниях.

Помощь АРА заключалась в обеспечении продовольствием, ежемесячно на довольствии АРА находилось 144500 человек, из них: 625000 детей, 7000 больных и беженцев, 750000 взрослых. С мая по октябрь 1922 г. на три годовых уезда было распределено 164 вагона продовольствия, из них: 19 вагонов муки, 5 вагонов консервированного молока, 8 вагонов манной крупы и риса, 3 вагона сахара, 3 вагона сала, 2 вагона какао, 118 вагонов кукурузы и 6 вагонов соли [17]. По рыночным ценам Екатеринбургской губернии стоимость предоставленной продовольственной помощи определялась в 400 млн рублей. К 25 октября 1922 г. на снабжении АРА в Екатеринбургском и Красноуфимском уездах находилось 84 питательных пункта, где питалось 7000 детей, а в Кыштымском районе было отпущено 3200 пайков. Общая стоимость продовольствия определялась приблизительно в 7 336 794 руб. [18] Кроме продовольствия, распределено по больницам, санаториям и детским домам 5739 одеял, около 4000 кусков простого мыла, 14500 кусков мыла туалетного, 40 детских костюмов. [19] В ноябре 1922 г. АРА имела только в Башкирской республике 46 столовых, 138 приютов, в которых питалось 21570 детей. Впоследствии размеры помощи значительно увеличились. В апреле-мае 1923 г. в БАССР работало 465 столовых АРА, где питалось 118478 человек. В докладе ЦИК БАССР III Всебашкирскому съезду Советов отмечалось, что «помощь, оказанная Башкирской республике со стороны АРА, очень значительна, и Башкирия обязана ей спасением жизни многих своих граждан» [20; 4]. С августа 1922 г. начал свою работу Французский Красный Крест. Распределение доставляемых им продуктов производилось врачебно-питательными отрядами Русского Красно-

го Креста. В Екатеринбургской губернии продовольствие Французского Красного креста отпускалось на детские дома и эпидемические койки больниц Губздрава, открывались по мере необходимости столовые. В августе 1922 г. Екатеринбургской губернии для детских столовых было отпущено 3773 пайка, в сентябре — 8438, в октябре — 11780. Кроме этого, Французским Красным Крестом было выделено для детских домов: обуви 2500 пар, костюмов мужских — 3000, чулок — 1000 пар, 32 куса мыла и др. Общая стоимость продуктов исчисляется на сумму до 100 млн рублей. Миссия Нансена в Челябинской губернии открыла 138 столовых, где питалось 33100 человек [21]. От Межрабпомгола по Челябинскому уезду функционировало 4 детских столовых, 22 детских дома, профтехникумов — 5, домов отдыха — 2, больниц — 3, выдавалось пайков взрослым — 1455. От ДВР в Челябинскую губернию доставлен 21 вагон с продовольствием, медикаментами и обмундированием, кроме этого, в июне 1922 г. они взяли на свое попечение 3 тыс. человек на 3 месяца [22]. Таким образом, зарубежные благотворительные организации своей помощью позволили смягчить голод и создать необходимые условия для восстановления сельского хозяйства.

Со сбором нового урожая осенью 1922 г. ситуация в стране несколько улучшилась. В связи с этим Центральную и местные комиссии помощи голодающим решено было распустить, а вместо них создать новые комиссии — для ликвидации последствий голода: содействия восстановлению разрушенных хозяйств, помощи беспризорным и др. В отношении прибывших из Поволжья и Приуралья детей теперь необходимо было осуществить обратный процесс — постепенную реэвакуацию их на родину. Проведение этой кампании имело свои сложности. Во-первых, они были связаны с недостаточно четким и организованным осуществлением самой эвакуации. Одним из обязательных ее компонентов должно было стать создание центрального и местных адресных столов. Циркуляром Наркомпроса от 17 октября 1921 г. были утверждены детские адресные столы, в задачи которых входили централизация сведений о несовершеннолетних, розыск родителей и родственников детей, содействие местным органам Народного образования в деле приема в детские дома круглых сирот [23]. Реально же такие адресные столы были созданы далеко не везде. На Урале при отделах народного образования стали создаваться отделы правовой защиты несовершеннолетних (Правзанес), которые состояли из нескольких секций: секция опеки, секция юридической помощи, секция «детский адресный стол», секция борьбы с беспризорными и правонарушителями, функционировавших достаточно успешно.

Во-вторых, значительную трудность представляло почти полное отсутствие на местах средств на реэвакуацию. Так, Омский Губоно практиковал способ отправки из своей губернии беспризорных детей «поэтапным порядком», т.е. снабжая их железнодорожными билетами до ближайшего города с расчетом на то, что дальше эти дети будут продвинуты соответствующими органами НКП или ДТК [24]. К 1923 г. реэвакуация не была завершена, во многом в связи с теми негативными явлениями, о которых говорилось выше; наплыв «неместных» детей оставался очень большим. Для урегулирования сложившейся обстановки 20 июня 1924 г. был утвержден декрет ВЦИК «О порядке реэвакуации детей» [25]. В нем предписывалось прекратить массовые переброски детей из одной местности в другую. В виде исключения допускалась частичная реэвакуация детей, имеющих родителей, родственников или близких лиц, которые могли бы

принять их. При отсутствии родственников детей разрешалось отправлять на родину только при согласовании с ОНО принимающей губернии. Такие перевозки теперь должны были осуществляться в сопровождении специального руководителя по назначению местного ОНО. Следует отметить, что данный декрет имел в тех условиях немаловажное значение. Но проведение его в жизнь на местах по прежнему затруднялось по причине острого недостатка материальных средств, поэтому стихийные переброски детей наблюдались и в дальнейшем.

Приказ по народному Комиссариату внутренних дел № 84 от 17 июля 1924 г. вменял в обязанность Деткомиссии ВЦИК издавать списки детей, утерявших связь с родителями, и рассылать списки по всем учреждениям; волисполкомам — оглашать списки детей на сельскохозяйственных сходах, органам милиции — принимать меры к розыску детей [26].

К середине 1920-х гг., благодаря усилиям, предпринятым на местах, по ликвидации последствий голода в Поволжье и Приуралье, и некоторому улучшению общей экономической ситуации, детская беспризорность в целом по стране значительно снизилась. По приблизительным подсчетам Деткомиссии при ВЦИК в РСФСР, уличных беспризорных к 1925 г. насчитывалось уже 275 тыс. человек [27].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 168. Л. 16.
2. Там же. Ф. Р-5207. Оп. 2. Д. 8. Л. 88.
3. Там же. Л. 129.
4. Там же. Оп. 1. Д. 168. Л. 60.
5. ЦДООСО (Центр документации общественных организаций Свердловской области). Ф. Р-1494. Оп. 1. Д. 83. Л. 4.
6. Там же.
7. Там же. Ф. 221. Оп. 2. Д. 688. Л. 86.
8. Там же. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 86. Л. 79.
9. Там же. Ф. 221. Оп. 2. Д. 688. Л. 89.
10. Толмачева Р.П. Борьба с голодом в Екатеринбургской губернии в 1921-1922 гг. // Из истории коллективизации сельского хозяйства Урала. Вып. 1. Свердловск. 1966.
11. Тайболина М.Н. «Не так захваченные природной стихией» (Голод 1921-1922 гг. в Курганском уезде Челябинской области) // Земля Курганская: прошлое и настоящее. Краеведческий сборник. Вып. 5. Курган, 1993.
12. Там же.
13. ЦДООСО. Ф. 221. Оп. 2. Д. 688. Л. 90.
14. Там же. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 83.
15. Там же. Ф. 76. Оп. 1. Д. 235. Л. 50об.
16. ГАРФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 8. Л. 165.
17. ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 474. Л. 79.
18. Там же.
19. Там же. Ф. 76. Оп. 1. Д. 474. Л. 79-79об.
20. Отчет III-му Всебашкирскому съезду Советов. Июль 1921 — ноябрь 1922 года. Уфа, 1922.
21. ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 474. Л. 79об.
22. ЦДООСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 86. Л. 79об.
23. ГАСО (Государственный архив Свердловской области). Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 138. Л. 53.
24. ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 127. Л. 108.
25. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1924. №57. Ст. 559; ГАСО. Ф. Р-163. Оп. 1. Д. 27. Л. 182.
26. ГАСО. Ф. Р-163. Оп. 1. Д. 27. Л. 2.
27. ГАРФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 252. Л. 17.